

В КУХНЕ сумерничала Нина Львовна. Курила в своем углу. Татьяна подошла, села рядом.

— Нин, ты тут сто лет живешь. Кто у нас в тридцать второй обитает?

— Подожди... Это шестой этаж, это отдельные... А-а, да там нет никого. Пустая квартира.

Утром следующего дня Таня сделала вот что: влезла в кухню на подоконник, благо он широк, и вгрызлась в яблоко. Сидела, сидела, сидела... И высмотрела-таки эту самую Люду Хватову.

Люда рысью пронеслась по двору, нырнула в подъезд. Таня спрыгнула с подоконника, дверь открыла, вышла на лестничную площадку.

Лифт уже шумел, полз вверх. Таня приоткрыла дверь и ринулась туда, к тридцать второй. С лифтом вперегонки. Лифт дряхлый, тяжелый. В нем, по слухам, еще Енукидзе поднимался. Ехал к деверю в гости. Один, без охраны. Грузины — культ родства. Одним словом, лифт Таня обогнала, успела на площадку выше забежать и увидеть, как Люда Хватова со своими сумками вышла из лифта, дверь открыла и захлопнула ее за собой.

Таня выжидала. Вот дверь открылась, выползла Люда с мусорным ведром, шлепая разношенными тапками, стала спускаться вниз к мусоропроводу. Таня метнулась к двери, проскользнула в квартиру. Таня это проделала классно. Радистка Катя сдохла от зависти. За матовыми стеклянными дверями Таня успела различить силуэт мужчины. Он здесь. Отлично.

Уже слышны были щелчки Людиных шлепанцев по ступеням. Таня сунулась было в ванну — там горел свет, из крана била струя воды. Не то. Спряталась в сортире. Слышно было, как вошла Люда, грохнула на кухне ведром, застучала там посудой. «Лаванда», мычала Люда, — горная лаванда... Потом зачавкало белье в ванной. Таня стояла в сортире, обклеенном винными этикетками — советский модерн, клочетный дизайн, — и цепенела от страха и тоскливого недоумения: кой хрен она, Таня, здесь, у сливного бачка, в дурацкой какой-то роли?

— Серез! — крикнула Люда из прихожей. — Я пошла! Дослоси голубцы!

Дверь за ней захлопнулась. Именины сердца. Таня тихокохонько выбралась из сортира. Подкралась к стеклянным дверям.

Мужчина сидел там, в комнате, в кресле. Слушал музыку — что-то из классики. Таня, понятно, в ней не была сильна. Так, на уровне «Рабочего полдня»: полонез Огиньского, «У любви, как у пташки...» Музыка была очень красивая, жутко грустная. Альты стелали... И Таня решила.

— Только не бойтесь, — сказала она, распахнув двери. — Здравствуйте. Только не бойтесь.

Его заколдобило от ужаса: сидел белый, перекошенный, вдавился в свое кресло. Какая-то аномалия, загадка, странность были в этой комнате, в этом человеке, в том, как затравленно смотрел он на нее, бледный, длинный, вялый, как картофельный росток.

— Не бойтесь, не бойтесь, — говорила Таня — себе, похоже, не ему. — Я ваш друг. (Что из нее полезло — какая-то высокопарщина, сплошная Войнич).

— Как вы вошли? — спросил он хрипло.

— Понимаете, я вошла... Дайте мне... Дайте, я вам помогу... Вы можете подняться? — вцепилась ему в кисть, он ее отпихнул вяло. — Она что, вас держит тут, эта Люда? Она мне деньги предлагала... Как-то все настораживает...

— Уходите отсюда.

— Нет, а вы кто? Вас никто никогда не видел.. Вы кто?

— Уходите!

— Нет, может, нужна помощь? Темная история... Вот в «Комсомолке» писали... Боже, что у вас с окном!

Она увидела его окно. Стекла были закрашены густой темно-синей краской. В комнате горел свет. Вот оно что... Единственное окно, и стекла замазаны синей краской.

— Боже... Зачем это? — Ей вдруг расхотелось здесь находиться. Она попятилась к дверям. Он встал наконец, шел за ней.

— Я уйду, — бормотала она уже в коридоре. — Но вы... Если вам нужна помощь...

— Это так теперь носят? — спросил он вдруг. — Такие юбки?

— Что? — Она не сразу поняла. Она уже с дверным замком возилась.

Он смотрел на ее юбку — обычная «варенка», умеренное мини — с каким-то детским интересом: так

папуасы гладили на зубочистку в руках Миклухо-Маклая.

— А вы что... — она медленно, тупо соображала. — Ну да, «варенка»... Вы разве не знаете, что теперь носят? Вы...

— Идите, — быстро сказал он. Помог ей с замком. — Идите.

— Нет, подождите, — она, уже на площадке стоя, сунула ногу в проем, мешая ему закрыть дверь. — Подождите. Ничего не понимаю... Давайте сделаем так: я еще приду...

— Я вас не пущу.

— Я постучу условным стуком: три удара, пауза, три удара.

— Я не пущу вас! — он захлопнул дверь.

Татьяна потопталась у заветной двери и, решившись, позвонила условно: два звонка, пауза, два звонка. Молчание. Она позвонила еще и еще. Тишина. — Откройте! — Таня припала губами к дермати-ну. — Чего вы трюсите-то? Откройте! — Ни звука. — Ну и дурак, — вздохнула Таня. — Сиди там. Плеще-вей.

Она уже шагнула к лестнице, как вдруг за спиной ее щелкнул дверной замок, дверь открылась, и страшный ее знакомец, появившись на пороге, сразу отступил в глубь полутемной прихожей. На секунду

Марина МАРЕЕВА

ОТШЕЛЬНИК

ОТРЫВОК ИЗ СЦЕНАРИЯ

Таня застыла, боясь поверить удаче. Потом она влетела в квартиру, захлопнула за собой дверь и...

И вот они стояли друг против друга в темной прихожей в полнейшем замешательстве.

— У вас горит что-то, — Таня метнулась в кухню, прирутила газ в конфорке почти на ощупь, потому что в кухне было красной замаскировано.

Он вошел, выключил свет. Она перевела взгляд с синих стекол на владельца этой крупногабаритной одиночки.

— Ничего не объясняйте, — сказала она быстро. — Я все поняла. Мне все ясно.

— Да ну?

— Вы скрываетесь. Это однозначно. Так? Это так?

— Допустим, — он усмехнулся. — А от кого, позволите поинтересоваться?

— Ну... — Таня пожала плечами. — Это однозначно. Или рэкет, или правосудие.

— Рэкет? Это что? Это печенье вроде так называ-лось?.. Нет, «Крокеты»... Это что? Это такой у вас неологизм?

Таня опешила. «Вы за дуру-то меня...» — начала она было, но тут же осеклась. Нет, он был абсолютно искренен. Никакого подвоха. И на шизонда он не по-хож. Нет, не похож.

— А вы давно... Давно вы... — забормотала Таня, под-дыскивая слова, — давно вы тут... сидите?..

— Я не знаю, — сказал он с той же спокойной, иск-ренной готовностью. — Я не веду счет времени.

— А... А... сколько вам лет?

— Я не знаю.

Таня села к кухонному столу, сплела пальцы добе-ла, стараясь сосредоточиться. Фантастика! Недаром она третий день высматривает этого субъекта... Фан-тастика! Его двигал интерес почти что естественный: та-тальский, она чувствовала себя разведчицей недр. «О, сколько нам открытий чудных...»

— Ну хорошо, попробуем так. Вот вы тут сиди-те, не знаете про рэкет... Так... А в космос при вас полетели?

— При мне, Юрий Алексеевич Гагарин.

— Так, хорошо. Возьмем семидесятые. Кто там... Пугачева?

— Это... таная... — он припоминал мучительно, — та-кая рыжая... «Встреча была короткая».

— ...в ночь ее поезд увез, — кивнула Таня. — Уже теплее.

Господи, — он вдруг как будто опомнился, стрях-нул с себя наваждение. — Девушка, дорогая, идите. Идите! — Он засуетился, стал своими бестолковыми неловкими руками оттирать ее от стула, подталки-вать к выходу. — Ну что вам? Ну зачем вам?

Таня не противилась ему, поглощенная своими вы-числениями. На пороге кухни ее осенило:

— Все же просто. Все просто. Вы при каком генсе-ке сели?

— Я не помню... Они там мелькали, как бабы в от-пуске... Только успевай перестилать... Нет, я не помню. А-а, э-э-э!.. Мы еще шутили... Кучер. Таной, на бурята похож...

— Черненко?

— Во. Точно.

— И с тех пор вы... С тех пор... И вы ничего не знаете?.. Она задыхалась. Немо шевелила губами. Какое ископаемое! Какой птеродактиль! Но он уже вытаскивал ее в прихожую, бормоча:

— Идите, ради бога... Что вы ко мне привязались... Я тоже идиот... Открыл...

— Но подождите... Подождите...

Дверь захлопнулась, она очутилась на лестнице, вострапанная, красная, в полном отпаде.

— Нина, дай Гроссмана, — ввалившись к соседке, потребовала Таня. — И кто у тебя еще есть — Гумилев, Пильняк... И Мишу дай, я верну.

Михаил Сергеевич висел у Нины в красном углу, над радиоточкой, вырезанный из журнала «Работница». Висел он в хорошей компании: справа — вождь ми-рового пролетариата, слева — Анна Маньяни в ста-рости, дышит в кадр, и тут же, сбоку, — Ритка, дочь Нины Львовны, клиническая дура, с постной улыбкой на тонких губах.

— Верни, — велела Нина Львовна, бережно снимая со стены портрет.

Говорила она шепотом, потому что у телевизора, вперившись в экран, сидели недвижно Пана и Вит-ка. С экрана на них глядел набычившись, шумно сопя и вздыхая, какой-то мужик злодейского вида. Перед телевизором на столике лежала груда овощей,

стояли аккуратно расставленные в ряд все четыре Виткины зажигалки.

— Какой-то экстрасенс новый, из Каракалпакии, — зашептала Нина Львовна, суя Тане томик амнисти-рованных классиков. — Потрясающая энергетика, мощное поле. Выводит нитраты из корнеплодов, за-правляет зажигалки...

— А чем он их заправляет? — спросила Таня.

— Ну чем? Газом.

— Вить, а откуда он его выделяет? Газ? — Таня покосилась на бестрепетного Виктора.

— Иди отсюда! — заорала Пана, а Витка запу-стил в Таню разнотраченной картошкой.

У себя в комнате Таня лихорадочно порылась в пла-тяном шкафу, нашла кооперативную фуфайку с линя-лой надписью «Перестройка» — «Гласность», торопли-во натянула ее, вытащила на свет божий пыльную пачку газет, расшвыряла по комнате, нашла две-три с отчетами о каких-то пленумах... Все. Перестроечная атрибутика иссякла. Таня закусила губу. Маловато. Она вздохнула, содрала со стены пошлейший — Гери-ны плебейские вкусы — календарь с голой бабой (на-никак раскрепощение нравов, снятие табу — тоже но-зырь), нацепила Герину непочку с надписью: «Борис, ты не прав!» и, прижав к груди стопку перестроечной литературы, выползла в коридор, где уже клубились, горяча обсуждая нового мессию из Каракалпакии, со-седки.

— Нин, дай чего-нибудь антисталинское, — продаира-ясь меж них и выходя, велела Таня.

— На, — сказал Витка гордо, доставая портсигар. — На Черемушинском купил, Сени юмор.

На пластмассовой крышке портсигара красовалась мутноватая картинка: вождь времен и народов с труб-кой в руке и надпись «Минздрав СССР предупрежда-ет: курение опасно для вашей репутации».

— Гадость каная, — Таня толкнула ногой дверь. — Донатились.

Она опять молотила в дверь отшельника. «Что по-мисля? — из соседней квартиры выглянула старуш-ка. — Люда ушла давно!» — «Сгинула» — огрызнулась Та-ня. Старушка исчезла, в тот же миг дверь приоткры-лась, и новый Танин знакомец втолкнул ее в тем-ную прихожую. Он был разъярен. Трясся весь. От-швырнул Таню к стене — опальные гении в дешевых переплетках провинциальных издательств разлетелись по предбаннику.

— Я тебя убью! — прошипел хозяин и затряс ее за плечи, приплюснул к вешалке. — Что ты пристала? Что ты вяжешься?!

— Пусты, дурак! — шипела Таня в ответ. — Ты меня не убьешь, ты мне спасибо скажешь!

— Дайте мне жить спокойно! — зашепелест незна-комец, меняя гнев на мольбу. — Чего надо-то? Денег тебе дасть..

— Кретин, ты дослушай! Ты ж не знаешь ничего! Сидишь здесь, тухнешь... У нас революция! У нас та-кие перемены!

— Мне на... на ваши перемены! — завопил этот придурок.

— Да ты прочти-и! — Таня лихорадочно собирала расшвырянные по комнате томик, совала ему: — Гумилев! Гроссман! На, почитай газет... Хотя бы те-зисно... Материалы пленума... Конференция... Ты что делаешь, козел?!

Он реал газету на мелкие куски. Кретин. Не читая. Таня вдруг заплакала.

— Дурак ты, — бормотала она, всхлипывая. — Си-дишь тут, тухнешь. Оношки замасал... Пойми, там уже другая страна! Гумилева издали...

— На хрена мне Гумилев? — бубнил этот долдон. — Я Бодлера в подлиннике читаю...

— Сноб ты вонючий, — заметила Таня, вытирая слезы. — На вот, посмотри, какое лицо хорошее... Она сунула ему портрет вождя. — Какое открытое лицо! Мы все себя людьми почувствовали! У нас перестрой-ка вовсю...

— Ах у вас перестройка! — осклабился незнако-мец, повертел в руках портрет отца гласности. — Сим-понпон. Это он придумал? Ах вы лапочки мои. Пер-естройка. Дайте детям новую соску. «Измов» им мало. «Измы» они исчерпали. Новый суффикс пона-добился...

— Ты сначала дослушай...

— Да назовите, как угодно! — орал уже красноба-й-отшельник. — Постопупизм, неокретинизм... Период развитого офонаризма... Да назовите, как хотите, заше дерьмо! Хотя яблочным повидлом. Оно от этого не станет слаще.

И он ушел в свою сумеречную кухню. Закурил там, стоя у окна спиной к Тане. Таня же, всхлипывая, ползала на коленях, собирала обрывки газет в кучку. «Дурак...» бормотала Таня. — Сиди здесь... Злопыха-тель...»

— Кофтенки уже нашили, — ворчал хозяин из кух-ни. — На каждой титке — по лозунгу. У-у, папуасы!

— Это выше твоего понимания, — огрызнулась Та-ня, одергивая на себе кооперативную хламиду. — Сиди тут, коростой покрывайся! А мы там... У нас... Мы потрясающе все живем!

— То-то меня Люда моя все ливерной колбасой кормит, — заметил хозяин, невозмутимо дымя. — Или эти... Суп-пакет типа клейстер. И в нем что-то пла-вае: такое... вроде птичьего помета... Люда, говорю, давай свининки молодой изжарим! Она, бедная, мол-чит и плачет.

— А тебе бы только нажраться! — рывнула Таня, обнаружив в себе неожиданный заряд патриотиче-ского гнева. — Сибарит! Да, у нас есть трудности. Они

Марина МАРЕЕВА окончила сценарный факультет ВГИКа (мастерская Е. И. Габриловича) в 1983 г. Автор сценария короткометражного фильма «Шнур» (1979 г., реж. А. Хаан), а также не-скольких непоставлен-ных работ. «Отшель-ник» полностью будет опубликован в журнале «Киносценарии».

